

душе и разуме...» (15). Здесь суммированы и цинизм и нарочитое многословие и многоассоциативность Бальзака. Эти полторы фразы заключают в зародыше всю его поэтику.

Теперь несколько слов о переводе. Стилизованная под Рабле речь книги (кстати, напрасно проф. Смирнов полагает, что в XVI веке говорили на средне-французском языке: Рабле труден не архаичностью, а диалектизмами и словотворчеством, а его современник Маро писал вполне классическим французским языком. Профессору Смирнову должно было быть известно, что французская орфография XVI века находилась в самом хаотическом состоянии, и потому подделать ее было весьма нетрудно) требует от переводчика: сказовости, гурманства слова и, наряду с тем, необычайной точности словаря. Вообще же переводчику весьма полезно знать язык, с которого он переводит.

О точности: *subiect (sujet)* — подданный, переведено: поставщик (11); *en compagnie de aulcun (aucun) apprentif* — без единого ученика, переведено: с помощью одного из подмастерьев (12).

Последний пример иллюстрирует как синтаксис переводчика, так и бережность, с которой он обращается с текстом классика. Это первая (!) фраза «Наивности»: «Клянусь красным гребнем моего петуха и розовой подкладкой черной туфли моей возлюбленной, клянусь всеми рогами обманутых мужей и добродетелью их жен, что самое лучшее творение людское на земле — это не поэмы, не картины, не замки, не статуи, как бы хорошо они ни были изваяны, не галеры, парусные или весельные, а дети, и только дети» (32).

Тот же отрывок, переведенный с соблюдением того, что и как хотел сказать автор: «Во имя двойного красного гребня моего петуха (здесь явный эротический эфемизм, которого переводчик не понял) и розовой подкладки черной туфли моей милой! Во имя всех рогов влюбленных рогачей и добродетели их святосвященных жен!

Прекраснейшее, что творят люди, — не стихи, не раскрашенные холсты, не музыка, не замки, не статуи, как бы хорошо ни были они изваяны, не лодки парусные или весельные, но дети».

Дальнейший комментарий излишен.

Эмиль Верхарн. Избранные стихи. Переводы В. Я. Брюсова и Г. А. Шенгели. Редакция и предисловие В. М. Фриче. Вступительная статья и комментарии Г. А. Шенгели. Гиз. Серия «Русские и мировые классики». М. — Л. 1929 г., 256 стр., ц. 1 р. 40 к., 5 000 экз.

Эмиль Верхарн. Избранные стихи. Перев. с французского Г. А. Шенгели. «Огонек». М. 1929 г. (№ 464), 48 стр., ц. 15 к., 17 000 экз.

По поводу применения к Верхарну термина «классик» можно спорить. Во всяком случае книгу избранных его произведений дать следовало.

Значение Верхарна для новой французской литературы огромно. Этот писатель окончательно довершил расшатывание традиционных поэтики и тематики застылой французской поэзии, расшатывание, начатое первыми выразителями эпохи финансового капитализма — Рэнбо, Коробьером и многими другими. Тематика Верхарна — натюр-морт, взятый как живое движение, поэтика — вольный, подчас немерный, стих, развернутые аллегории (вместо больших метафор символизма), — звучат новой, городской, производственной культурой. Революция формы распространяется и на драмы и на самый метод прозаического синтаксиса. Поэтому том избранного Верхарна должен был бы включать не только стихи, но и пьесы и отрывки прозы. Это не осуществлено.

К спорности термина «классик» возвращает нас двустилие книги. Шенгели — поэт, выросший на вполне чуждой Верхарну традиции. Подходя к переводу чужого звучания, он скрывает свое творческое лицо и рассматривает подлинник как филологический памятник. Брюсов в России играл роль во многом близкую, соответствующую роли Верхарна; между литературными дебютами их.

кстати, не такая уже большая временная разница. Для Брюсова Верхарн — живой современник, и переводы из него были для Брюсова актом воздействия и перестройки поэзии не французской, а русской. Отсюда и иной метод перевода: адаптация, передача черт, существенных не для Верхарна, а для Брюсова (важная оговорка: не для Брюсова-поэта, но для Брюсова-литературного деятеля, организатора литературы). Передавая Верхарна с высокопохвальной точностью, Шенгели не передает историко-литературного его значения. Передавая Верхарна инструментально, Брюсов разрушает его поэтику. Это не оговорено. А это чрезвычайно важно. Примером может послужить хотя бы одно из ранних стихотворений Верхарна — «Свиньи» (Брюсовский перевод в первой книге, стр. 34; перевод Шенгели во второй, стр. 7).

Брюсов:

Стада больших свиней — и самки и
самцы —
Угрюмым хрюканьем переполняли
поле;
Толпились на дворе и бегали по воле,
Тряся молочные отвислые сосцы.
И близ помойных ям, лучами
озаренных,
В навозной жижице барахтались,
толпясь;
Мочились, хвост завив, уставив ноги
в грязь,
И лоснился узор щетин их
очервленных!
Но подходил ноябрь. Их убивали. Ах,
Какой был славный жир в их грузных
животах!
Из их больших задов само сочилось
сало.
И шкуру их скребли, потом палили
их,
И пламя тех костров, посмертных,
гробовых,
Всеми селению веселье возвещало.

Шенгели:

Раскормленных свиней — и самок и
самцов —
Семейство хрюканьем питомник
наполняло,
Копалось в мусоре, крутой навоз
взрывало,
С молочным трепетом разбухнувших
сосцов.
Вблизи отхожих мест, где солнце
бьет по доскам,
Копытцами уйдя в слой нечистот
густой,
Возились в жижице и прыскали
мочой;
Сияла кожа их своим пунцовым
лоском.
В начале ноября их били. Животы
Сосками до земли свисали. Налиты
Сплошь салом тающим их были шея,
рыла;
И каждое бедро воздушный жир
точило;
Потом палили их на темени горы, —
И смертный их костер селу вещал
пиры.

Брюсовский перевод передает патетику, трагизм, движение натюрморту, передает революционизирующий смысл подлинника — ценою отступлений как текстуальных, так и формальных. Перевод Шенгели сохраняет натурализм, фламандщину подлинника, нарочитую его грубость — ценою некоторой неподвижности и частичной утраты революционизирующего значения оригинала. Имена обоих переводчиков — почти полная гарантия предельного исчерпания возможностей русского стиха для поставленной цели. Двустилие, однако, осталось. Вопрос о нем неизбежно должен был бы стать перед редактором и как-нибудь разрешен.

Огоньковская книжка приятно поражает наличием, кажется, впервые культурного перевода значительного писателя. На титуле следовало бы поставить дату рождения и смерти. Не очень грамотен и французский подзаголовок: *Choix des poésies* вместо: *Choix de romèmes*